

ДОМ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

**ДОМ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ.
Резиденция феи**

**ДОМ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ.
Под небом четырёх миров**

**МИЛЕНА
ЗАВОЙЧИНСКАЯ**

**ДОМ
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ**
Под небом четырёх миров

**МОСКВА
2021**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Иллюстрация на переплете *Елены Совы*

Завойчинская, Милена Валерьевна.

3-13 Дом на перекрестке. Под небом четырех миров / Милена Завойчинская. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-117408-8

Легко ли быть феей? Наверное, легко, если у тебя есть волшебная палочка и учебник по фейскому волшебству. А если у тебя вместо волшебной палочки — говорящий фамильяр и точка перехода между мирами, а вместо учебника — список обязанностей по баронству и Замок, собравший под своей крышей разношерстную компанию из разных рас и миров? Тогда фее-недоучке нужно засучить рукава и приниматься за работу, и начать, пожалуй, стоит с личного счастья своих домочадцев. А там и до драконов дело дойдет, и до эльфов, и даже до демонов. Тем более королевство Вике досталось хорошее — есть где развернуться, ведь его владения находятся под небом четырех миров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Завойчинская М. В., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-117408-8

- Вы кто?
- Я — добрая фея!
- А почему с топором?
- Вот видите, как мало вы знаете о добрых феях!

АНЕКДОТ

Глава 1

-Эрилив! — Я, хитро улыбаясь, смотрела на своего телохранителя. — А как ты смотришь на то, чтобы проведать мою «богом забытую халупу в деревне»?

Утром следующего дня после отъезда демона-ювелира я встала, решительно настроенная на поездку к родителям. Ха! Ещё бы мне не быть таковой. Мама мне уже весь мозг вынесла, названивая по телефону и требуя моего приезда.

Звучало это примерно так:

— Дочь моя блудная, а есть ли у тебя хотя бы жалкое подобие совести?! — Так начинался почти каждый разговор.

— Есть, ма́мо, есть. — И я скорбно вздыхала.

— Тогда почему ты всё ещё не здесь? — вопрошала она.

— Улажу последние дела и приеду, — лепетала я.

— А когда? — не сдавалась мама.

— А скоро, — обещала я.

— А поточнее?

— Совсем скоро.

— Ждём тебя. И смотри у меня! Не вздумай приезжать одна! Непременно привози с собой своего друга, того чудного мальчика с непроизносимым именем.

— Ага, мамуль, непременно. А если не его, так другого привезу. Не менее чудного и точно такого же друга.

— Прокляну! — начинала мама свою обычную Песнь Песней¹.

— Да за что?! — включалась я в игру.

— Жениха! Жениха когда привезёшь?!

— А вот как обзаведусь этим редким видом, занесённым в Красную книгу, так сразу и привезу.

— О господи, — сокрушалась мама. — Ну за что нам с папой такое наказание? Рóстили тебя, рóстили... Ночей не спали, холили и лелеяли, воспитывали, уму-разуму учили... А толку? Выросла красивая, умная, целеустремлённая... А толку никакого!

Вот и вчера, получив очередную порцию пропесочивания на тему моей бездарно проживаемой жизни, тогда как уже могла бы порадовать внуками старых родителей (ну-ну, моя сорокасемилетняя мама считала себя «старой» исключительно в воспитательных разговорах), я с утра встала весьма рано и бодро. Особенно меня добил довод, что если уж не внуками, то хоть салатиком на свадьбе я обязана их обеспечить, пока у них зубы свои, а не вставные челюсти. А если не этим, то хотя бы навестить и подать «старикам» стакан воды.

Ну, это я легко. И мамуле, и папуле я стаканы воды привезу. Да не простые, а волшебные. Водяной Фаддэй уже обеспечил меня водичкой в двойном комплекте. Будем омолаживать моих «стариков», глядишь, меньше давить на жалость будут.

¹ Песнь Песней — традиционно авторство приписывается древнееврейскому царю Соломону. Персонажу множества легенд. Даты его правления относятся к началу X века до н.э. В буквальном прочтении Песнь Песней представляет собой собрание любовных гимнов, раскрывающих взаимные чувства Соломона и его возлюбленной, Суламифи. В Третьей Книге Царств утверждается, что Соломон сложил 1005 песен. Изложение в Песни Песней ведётся попеременно от лица Соломона, Суламифи и стороннего наблюдателя.

— Эрилив, ау? — снова позвала я своего телохранителя.

— Так ты же говорила, что ты из города? — осторожно уточнил он.

— А как же. Из города. Но одно другому не мешает. Так как — хочешь посмотреть на халупу?

— Не знаю, что это такое, но хочу, — улыбнулся лирёлл.

— Вот и славно, собирайся. И — да! Мечи, кинжалы и прочие опасные для жизни окружающих предметы не бери. Нельзя у нас с ними ходить — в полицию заберут. Как я тебя оттуда потом выцарапывать буду?

— А как же тогда? Я же должен тебя охранять.

— Магией и кулаками будешь охранять... Слушай, а может, нам Марсика с собой взять? Как думаешь? Ему же нужно больше со мной общаться.

— Ну, если ты не боишься, что на тебя будут показывать пальцем, то бери, — рассмеялся Эрилив. — А то он такого цвета... На Земле выглядеть будет, мягко говоря, странновато.

— Да это ерунда. Я оденусь как гламурная блондинка, и все проглотят как нечто само собой разумеющееся.

— Леди, а гламурная блондинка — это как? — тоненько уточнила Тамия, сидящая вместе с нами в комнате.

— О-о-о, Тамия, это страшное оружие девушек. По-больше стразииков и злата-серебра, каблукы повыше, одежду как можно более обтягивающую. А главное — выражение лица! Иначе не поверят.

— И какое же должно быть выражение лица? — тут же заинтересовался Эрилив.

— Глазки наивные и не обременённые интеллектом, ресницы — веером, губки — «рыбкой», и делать вид, что я самая красивая.

— А как это, губки — «рыбкой»? — озадаченно переспросила Тамия.

— Да! Как это? — повторил за ней лирелл.

— А вот так. — Я изобразила «силиконовые» губы, надув их. — Только надо ещё накрасить яркой помадой.

— Ой! — Тамия звонко рассмеялась.

— Да-а. — Эрилив поддержал её своим хриплым смехом, отчего у меня по спине помчался табун мурашек, а удерживать губы «рыбкой» стало трудно. — Вики, ты уверена, что выдержишь так долго? Может, пусть лучше Марсик ждёт нас дома? А то ещё отвалятся губы по дороге?

— Ну, не знаю... — Я подмигнула им. — Могу ещё купить толстый гламурный журнал с картинками и листать с видом, словно это что-то необычайно умное и важное. Тогда можно будет забыть о губах. Невозможно же одновременно думать о таких сложных вещах, как удержание губок и постижение последних коллекций моды. А ещё я могу с глупым видом виснуть на твоей руке и щебетать.

— Нет! Щебетать не надо, — пошёл на попятный Эрилив. — Я согласен на губы и журнал.

Вот так мы и собрались ехать к моим родителям. Эрилив, Марсик, по такому случаю получивший поводок с наложенной иллюзией стразов, и я. А-ля блондинка гламурная: ультрамодные джинсы, лодочки на шпильках, много-много туши на ресницах, обтягивающий сиреневый топ (в тон Марсу), пиджак с закатанными рукавами, открывающими запястья, украшения, подаренные княгиней, и маленькая сумочка в руке. Ах да, в другой руке — поводок, заканчивающийся лиловым щенком.

Сумку с вещами, одну на двоих, нёс Эрилив.

Сказать, что Марс произвёл фурор, — не сказать ничего. На нас оглядывались и показывали пальцем. Его пытались потискать дети, которым лиловый щенок не казался «страшным собаком», а потому его непременно

нужно было погладить и почесать за ушком. Несколько девушек-«соплеменниц», из той же породы гламурных дев, горя глазами, задавали вопрос: «Где?! Где можно так покрасить собачек?» Пришлось сказать, что красила сама, жутко дорогой и редкой краской, привезённой из Бразилии. М-да. Про то, что все встречные особи женского пола ломали глаза об Эрилива, я молчу. Это и так понятно и уже привычно. Тот только изредка закатывал глаза, когда очередная моя «соплеменница» наклонялась к пёсику, выгодно выпячивая то, что считала особо выдающейся частью своего тела. Тут уж по-разному: кто гордился филеом в микрошортах или юбочке, кто — содержимым декольте. Но практически все не забывали про губки «рыбкой». А Эрилив сдерживался изо всех сил, чтобы не смеяться в голос. Теперь-то он знал, что означает это глупое выражение лица. Впрочем, сегодня звездой программы был не лирелл, а Марс, так что он легко отделался.

В электричке мы заняли свободные места, и я смогла расслабить лицо. Вот уж не предполагала, что «держать губы» — это так тяжело. Невольно зауважала девушек, способных на такое постоянно. Эрилив только посмеивался, но комментарий не отпускал. И только когда я приняла своё нормальное выражение, он не выдержал и, хрюкнув от смеха, спрятал лицо в ладонях.

— А кто сказал, что быть девушкой легко? — философски протянула я онемевшими губами, и он мелко затрясся от смеха.

Доехали мы до моего дома без приключений. Взяв на вокзале такси, благополучно высадились у хрущёвки родителей, и я, жестом указав на дом, произнесла:

— Ну вот, смотри. Вот в этой халупе я выросла, и тут же продолжают жить мои родители.

— Да? — Он оглядел пятиэтажку. — Я думал, всё хуже. А так в целом ничего, нормальный дом.

— Ну, тогда задерживай дыхание и не дыши, пока не дойдём до второго этажа, — предупредила я его и нырнула в подъезд.

— Боги! — выдохнул лирелл на лестнице. — Почему так пахнет-то?

— А я тебя предупреждала, чтобы не дышал, — фыркнула я, стараясь не рассмеяться.

— А надписи на стенах зачем? И вот та, про Вичку-стерву, — это про тебя?

— Да, — усмехнулась я. — Моё имя увековечено в веках.

— Почему в веках? — Эрилив стоически пытался не дышать.

— Потому что этот дом будет стоять, скорее всего, до тех пор, пока сам не развалится. Новое жильё-то никто не хочет предоставлять жителям сего монументального строения.

Дойдя до квартиры, я позвонила и стала ждать. Мама уже знала, что приеду не одна, а потому открывать своим ключом я не стала. Мало ли, может, они с папой ещё не оделись. Клацнул замок, хозяйка квартиры выпорхнула с радостным лицом и остолбенела.

Первым в поле её зрения попал Эрилив. О-о-о, это нужно было видеть. Такая непередаваемая гамма чувств пронеслась по её лицу, что я пожалела, что не успела достать телефон и включить видеозапись. Изумление, восторг, недоверчивость, умиление, а потом понимание, что этот объект живой и настоящий, более того — стоит рядом с её квартирой, а она — в обычном сарафане... И — о ужас! — он на неё смотрит, улыбается и даже моргает.

Нервно поправив лямку сарафана, мама перевела взгляд, так и не сумев выдать из себя ни слова, и уставилась на умильную собачью морду лилового цвета с высунутым языком. Тут мамуля икнула, моргнула и протёрла глаза. Марс тоже моргнул и улыбнулся ей во всю свою пасть. Она издала сдавленный звук, про-

шлась взглядом по собачьей шёрстке до хвоста и обратно и снова подняла глаза на Эрилива.

— Леди, — хрипло произнёс он и улыбнулся ещё обаятельнее.

Жертва убойного лирелловского очарования начала багроветь, и я поняла, что мне пора вмешаться, пока не вмешался кондратий и не обнял её.

— Ма, привет. — Я выступила вперёд. — Я привезла своего друга Эрилива. Он тоже иностранец и коллега Эйларда. А это мой щенок, Марс.

— Э-э-э... — удалось ей выжать из себя звук.

— Марс, это моя мама. Веди себя прилично, как настоящий взрослый пёс.

Марсик убедительно, а главное громко, гавкнул, и она вздрогнула.

— Эрилив, знакомься: моя мама, Анастасия Витальевна, и прекрати смущать её. Сделай лицо попроще, — посмеиваясь, обратилась я к телохранителю. — Ма, а ты отомри уже. Впускай нас, а то я устала стоять на каблуках.

— Леди, приятно познакомиться! — Лирелл взял безвольно повисшую руку мамы и поцеловал. — Вики о вас много рассказывала, и я весьма польщён знакомством.

Ой! Кажется, моя родительница превращается в соляной столб, как жена Лота¹. Пора вызывать тяжёлую артиллерию в папином лице, и я, просунув голову в дверь, громко позвала отца. Мама снова вздрогнула и начала приходить в себя.

— Виктория! Ну ты... Предупреждать же нужно, — выдала она наконец и освободила нам дорогу.

¹ Жена Лота — безымянный библейский персонаж, ставший нарицательным. Перед разрушением небесным огнём нечестивых городов — Содомы и Гоморры — от общей гибели спаслось только Лотово семейство, которое из города вывели ангелы. В пути жена Лота вопреки запрету ангелов оглянулась назад, на погибающие города, и обратилась в соляной столп. Сам Лот с дочерьми спасся.

— Пап, привет. — Я обняла отца, вышедшего в коридор. — Знакомьтесь. Это мой друг и коллега Эйларда — Эрилив. Эрилив, это мой папа — Сергей Константинович.

Мужчины обменялись рукопожатием, и я продолжила:

— Па, а это мой щенок — Марс. Он пока маленький, но должен вырасти крупным и мощным, будет моим защитником.

— Вик... — Папа задумчиво оглядел пёсика и поправил очки в тонкой оправе. — А почему он такого цвета? Ты вроде никогда не увлекалась розовой гаммой.

— Да! — вмешалась мама, к которой вернулся дар речи. — Я вот тоже в шоке!

— Папуль, Марс не розовый, а лиловый. Так уж получилось, я потом расскажу. А сейчас встречайте гостей и кормите нас.

— Ой! — переполошилась мама. — Что же это я? Эрилив, проходите скорее. Сейчас будем обедать. Марс, и ты проходи, только не вздумай грызть обувь, а то я не посмотрю, что ты розовый.

— Лиловый!!! — произнесли мы хором с папой.

— Да хоть серо-буро-малиновый в крапинку. А сожрёт туфли — получит по шее.

— Понял, Марс? — Я, улыбаясь, посмотрела на озадаченного щенка. — С моей мамой не забалуешь. Веди себя хорошо, тогда получишь вкусенького.

Усадив Эрилива в гостиную, мама утащила меня в кухню.

— Ну? — Она упёрла руки в боки.

— Я же сказала: Эрилив коллега Эйларда. Мне — друг! — многозначительно подчеркнула я интонацией последнее слово.

— Твою ж маму! Вика! Да даже я чуть не забыла про супружескую верность твоему отцу и о своём возрасте! — Она всплеснула руками.

— Ма-а-ам! — Я прыснула от смеха. — Не обижай мою мать.

— Твою маму!!! — эмоционально повторила мамуля. — Это ж надо было такую дуру, прости господи, вырастить. Так, учти, не выйдешь замуж за этого... этого... — с придыханием произнесла она, — я от тебя откажусь. И, кстати! — Она недоумённо оглядела меня. — Ты чего так вырядилась-то?

— Мне нужно было соответствовать образу гламурной блондинки.

— Да? И волосы покрасила, я смотрю. Тебе идёт. Ну, может, ты и не совсем безнадежна, раз ради этого зеленоглазика так нарядилась и прихорошилась. А то как-то несолидно в моём возрасте ругаться, поминая твою мать. Ещё кожа испортится...

— А я тебе чудо-воду привезла. И папе... Заговорённая. Живая и мёртвая. Вот примешь с ними ванны, так тебя за мою сестру принимать будут, — начала я подлизываться. — Я сама ею пользуюсь.

— То-то, я смотрю, ты выглядишь больно уж молодо. Лет восемнадцать, не больше. — Мама кокетливо поправила волосы. — Эх, и я ещё молодая совсем. Прямо не стыдно стоять рядом с такой взрослой дочкой — пусть все думают, что ты только школу окончила. Что за вода-то?

— Я ж говорю — заговорённая. Сначала принимаешь ванну с той, что в маленькой бутылочке. Но она опасная, мёртвая, так что её чайную ложку на ванну. Потом воду слить, снова набрать и четыре столовые ложки живой добавить, из большой бутылки. И ещё полчаса полежать. Ну, и папа... Здоровенькие станете и омолодитесь.

— Подлиза! — Мама обняла меня. — И привет, я соскучилась. А то меня твои спутники так ошарашили, что я даже поздороваться забыла.

— Это они могут. — Я рассмеялась. — Ладно, давай за стол. А то мы рано выехали, есть хочется.

Во время обеда мама потчевала гостя, не забывая умиляться Марсу и подсовывать ему вкусные кусочки. Даже мой сдержанный папа под столом тихонько совал ему куски мяса. Мама ругалась, что он балует Викиного пса, и сама тут же подзывала щенка к себе.

— Марсик, ты не бери у него мясо, ты же Викин собака. Вот, я тебе сама дам хороший кусок. Смотри, совсем нежирный.

Марс был негордый, вниманием избалованный ещё в Замке, а потому благосклонно принимал подношения с обеих сторон и хитро косил на меня фиолетовым глазом. Как же в гостях брюшко не набить?

А мама, не делая пауз, обращалась уже к Рилу:

— Эрилив, и вы кушайте. Пироги сегодня удались, давайте я вам ещё салатика подложу. И вот мясо, мясо ещё не забудьте.

Мой телохранитель сдержанно улыбался, вежливо кивал и пытался осилить хотя бы половину того, что мама в душевном порыве наложила ему в тарелку.

— Эрилив, а хотите, я вам покажу Викины фотографии? — завела мама свою любимую песню, как только мы выбрались из-за стола.

— Мама! — взвыла я.

— А ты иди посуду пока помой. Нечего тебе тут сидеть, что ты в своих фотографиях не видела!

— Рил, не соглашайся, — шёпотом попыталась я воззвать к разуму лирелла. — А то тебе сейчас будут показывать все мои фотографии, начиная с младенческого возраста.

— А я с удовольствием посмотрю на твои фотографии, — хитро подмигнул мне блондин. — Особенно в младенческом возрасте.

— Вот видишь, Вика? Иди, иди... Нам и без тебя хорошо. Присаживайтесь, Эрилив. — И мама вынула из шкафа стопку альбомов.

Всё... Для общества они теперь надолго потеряны.

— Пап, пойдём? Марс, и ты...

— Куда?! — оторвалась от фотографий мама. — Марс останется с нами! Марсик, иди сюда, мой мягонький. Я тебе покажу, какая твоя хозяйка была в детстве хорошенькая.

— Вик, что за мальчик? — Папа устроился за столом, а я принялась за грязную посуду.

— Да нормальный мальчик. Дружим мы вроде как, и он работает вместе с Эйлардом... на меня, — добавила я, понизив голос.

— Мама тебя в покое теперь не оставит.

— Угу. Только зря она устроила ажиотаж. У него невеста есть. — Я улыбнулась папе через плечо.

— Невеста? Странно...

— Что странно?

— Да он на тебя так смотрит... Я думал, что он за тобой ухаживает.

— Нет, папуль. Не ухаживает, хотя он классный, и если бы был свободен, то...

— Тогда смотри не влюбись. Ну а как вообще жизнь? Ты изменилась. И внешне, и одежда совсем другая. Да и повадками.

— Повадками? — Я рассмеялась. — Пап, ну я же не зверюшка.

— Вик, ну ты же поняла, о чём я. — Папа улыбнулся. — Не пойму, что не так, но ты другая стала. Хорошую работу нашла? Начальником каким-то большим стала?

— Ну... — Я выключила воду и стала вытирать руки. — Наверное, можно и так сказать. Пап, а вы с мамой никогда не думали о том, чтобы сменить место жительства? Продать эту квартиру и купить другую — в том городе, где я сейчас обитаю, например?

— Ну отчего же не думали? Обсуждали. Как раз когда ты школу окончила, потому что не хотели тебя одну